

БЪЯНКА ПИТЦОРНО

Послушай моё сердце

Перевод с итальянского
Ксении Тименчик

Иллюстрации
Квентина Блейка

Москва

Самокат

СОДЕРЖАНИЕ

Сентябрь.....	7
Октябрь.....	51
Ноябрь.....	81
Декабрь.....	103
Январь.....	151
Февраль.....	175
Март.....	205
Апрель.....	237
Май.....	273
Июнь.....	335

СЕНТЯБРЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ,
в которой мы знакомимся с Приской,
одной из трех героинь этой книги.
И с ее черепахой

Когда Приска была маленькой, она ни за что не хотела учиться плавать под водой, как ни уговаривали ее папа с дедушкой. Она думала, что морская вода через уши просочится к ней прямо в мозг. А кому нужны размокшие мозги? Вот и дедушка, когда сердился, что она не поняла его с полуслова, кричал: «У тебя что, разжижение мозгов?»

По той же причине Приска никогда не прыгала с лодки или с мола, как ее брат Габриеле и другие дети. Но даже когда она мирно плавала, задрав подбородок, обязательно находился какой-нибудь противный мальчишка, который незаметно подплывал сзади, клал ей руку на голову и топил.

Сколько слез было пролито! От страха, а еще больше от бессильной злобы. А мама, когда Приска, бывало, прибежит к ней жаловаться, вместо того чтобы заступиться за нее или утешить, кричала:

— Ты что, шуток не понимаешь? Подумаешь, какая обидчивая! Ну что такого тебе сделали? Хочешь, чтоб весь пляж над тобой смеялся?

Потом Приска подросла и поняла, что вода ну никак не может залиться в мозг. Ни через уши, ни через любые другие дырки на голове. Это ей объяснил доктор Маффеи, дядя ее подруги Элизы, и подкрепил свои слова картинкой из умной медицинской книжки:

— Через рот и через нос вода может проникнуть разве только в легкие или в желудок, — показал он ей, — но никак не в мозг.

Это ее успокоило.

И теперь в свои девять Приска ныряла, стиснув зубы и зажав нос двумя пальцами, а еще плавала, опустив подбородок в воду. А еще — на спине, так что наружу только ноздри торчали. И совсем не боялась, что вода затекает ей в уши и в открытые глаза. Глаза, правда, немного пощипывало.

Так дышать она научилась у своей черепахи. Динозавра была сухопутной (по-научному *Testudo graeca*), и вместо жабр у нее были легкие, вот и приходилось ей волей-неволей дышать воздухом. Сухопутная Динозавра очень любила море. Когда Приска брала ее с собой на пляж и сажала под зонтик, она уползала за ней к воде и плавала у берега, едва заметно шевеля лапами и погрузив свой желто-каштановый панцирь в воду, так что только ноздри торчали. Но, разумеется, плавала она не на спине. Всем известно, что черепахи ненавидят лежать кверху пузом, и если вам когда-нибудь доведется встретить черепаху в таком положении, сделайте доброе дело и переверните ее, пусть ползет.

Однажды, когда Динозавра купалась, ее унесло течением, и вот она уже скрылась за горизонтом. Приска все глаза выплакала, решив, что потеряла ее навеки.

На следующее утро, ровно в семь часов, в дверь Пунтони постучал полицейский из береговой охраны. Он принес Динозавру, и Инес, которая открыла ему дверь, рассказывала потом, что парень не знал, смеяться ему или плакать, потому что черепаха от страха загадила ему всю форму бело-зелеными какашками. С черепахами так всегда, стоит им только разволноваться: Приска и Элиза не раз испытали это на собственной шкуре.

Адрес Динозавры полицейский прочел на ее номерном знаке — только благодаря этому черепаху вытащили из воды и она не уплыла в Испанию.

Около пяти утра катер береговой охраны выслеживал контрабандистов довольно далеко от берега, как вдруг за бортом показалась черепаха. Она отчаянно гребла к суше, а течение отбрасывало ее в открытое море. Полицейские сразу поняли, что это не простая черепаха — у простых черепах номерных знаков не бывает, — и, схватив рыболовную сеть, бросились ее ловить.

Гениальная идея с этим номером принадлежала Инес, младшей служанке в доме Пунтони. Инес заметила, что летом, когда Пунтони снимают домик в приморской деревне, Динозавра все время норовит уползти на улицу, а там ее могут принять за дикую — того и гляди кто-нибудь утащит.

Тогда Инес взяла красную клейкую ленту — самую прочную! — отрезала от нее кусочек и приклеила сзади на панцирь. На ленте, нажимая изо всех сил, написала чернильным карандашом: «Динозавра Пунтони. Набережная Христофора Колумба, 29, справа от бара “Джино”».

— Ну вот, такую надпись даже водой не смоешь, — сказала Инес.

Приска пришла в восторг от ее практичности.

А мама с Габриеле, наоборот, подняли их на смех.

— Где это видано: черепаха с номером, как у машины?!
Что за идиотская затея?!

А вот теперь именно благодаря этой идиотской затее полицейский понял, что черепаха принадлежит семье Пунтони, и отнес ее домой. Ему, кстати, очень приглянулась Инес, но она отвергла его ухаживания — ей мужчины в форме никогда не нравились.

— Когда рядом парень в форме, мне все время кажется, что меня вот-вот арестуют, — призналась она как-то Приске.

Инес родилась в глухой горной деревушке. Тамошние жители полицейских называли «Правосудием» и, даром что не делали ничего плохого, предпочитали держаться от них подальше.

Сейчас Динозавра жила в городе, и, хотя у нее был прекрасный террариум, построенный специально для нее Приской и Элизой под присмотром Габриеле, она при всяком удобном случае пробиралась в дом, заползала в комнату своей маленькой хозяйки и пряталась под кровать. Там она ждала, когда Антония, старшая служанка в доме Пунтони, придет убирать. Завидев ее стоптанные шлепанцы, Динозавра с неожиданной для черепахи скоростью выбиралась из своего укрытия и впивалась Антонии в пятку. И не разжимала челюстей, пока Антония с визгом не стряхивала ее с ноги. Динозавра отлетала к стене, отскакивала рикошетом, как бильярдный шар, стучалась о противоположную стену и уползала восвояси готовить следующую засаду. Они люто друг друга ненавидели, и Приска никак не могла взять в толк почему.

ГЛАВА ВТОРАЯ,
в которой Приска волнуется
из-за предстоящего знакомства
с новой учительницей

Двадцать третьего сентября*, за день до начала учебного года, Приска отправилась на море.

В семье Пунтони была традиция: в этот день папа брал отгул в своей адвокатской конторе и отвозил всех на море закрывать купальный сезон. Обычно они ездили на тихий и укрытый от ветра Можжевеловый пляж.

И вот теперь Приска плыла на спине, еле-еле перебирая ногами, чтобы не пойти ко дну. С берега до нее доносились радостные визги Филиппо, которого подбрасывала Инес, и глухие удары мяча, в который играл Габриеле. Приска смотрела в небо, на мелкие рваные облака, на летающих чаек. Щурилась от солнца и думала обо всем на свете.

Больше всего о своем возлюбленном, само собой. Теперь она так уверенно чувствует себя в воде, что во время кораблекрушения, когда ОН будет тонуть, она вцепится ему в бороду и тут же вытащит на берег, и ОН будет ей благодарен по гроб жизни. Правда, Элиза считает, что это дурацкая идея, ведь ОН все равно плавает гораздо лучше Приски и спасти его совершенно ни к чему.

— А вдруг он потеряет сознание, вдруг грот-мачта корабля ка-ак свалится ему прямо на голову?

В фильмах и комиксах всегда именно так и происходит!

* В Италии начало учебного года зависит от региона. Первыми — примерно 12–14 сентября, в школы идут жители северной Италии. Герои нашей книжки живут южнее и учиться начинают только в конце сентября.

Еще она думала о школе и немного беспокоилась, ведь в этом году у них будет новая учительница, завтра они увидят ее в первый раз. Мало ли, что она за птица.

Приска уже много дней только об этом и говорила. Габриеле над ней смеялся:

— Подумаешь, у всех в четвертом классе новый учитель.

Сам-то он переходил в среднюю школу*, и вместо одного учителя у него теперь будет по учителю на каждый предмет.

— А если бы ты была на моем месте? — насмешливо спрашивал он Приску. — Ты что, обделалась бы от страха, как твоя черепаха?

Габриеле нарочно выбрал такое грубое слово, чтобы потом наивная Приска повторила его при взрослых, например за праздничным столом, и получила подзатыльник, не говоря уж о репутации дерзкой и невоспитанной девчонки. Сам-то он внимательно следил, чтоб у него не проскочило какое-нибудь словечко, когда поблизости был хоть один взрослый, так что все считали его очень воспитанным и спокойным мальчиком.

«Пусть Габриеле говорит что угодно!» — думала Приска. — А я все равно волнуюсь. Эту новую училку не только я не знаю. Ее же никто не знает. Даже в глаза не видел». И правда, это была не просто учительница, которая всегда работала в школе «Сант-Эуфемия» и теперь брала их класс. Нет. Эта пришла из другой школы.

Среди мам ходило много слухов о новой учительнице. Было известно, что раньше она преподавала в школе «Благо-

* Во времена, которые описываются в книжке, в Италии было бесплатное государственное восьмилетнее образование: пять лет начальной школы с одним учителем по всем предметам и три года по выбору: средней школы, после которой можно было продолжать образование в высших учебных заведениях или курсы профессионального образования.

говение», единственной частной женской школе города, которую держали утонченные французские монахини. В «Благоговении», конечно, учились дочери только самых богатых и знатных родителей.

Рассказывали, эта учительница очень требовательна в том, что касается учебы, не брезгует современными методиками (на музыке они даже слушали проигрыватель!), но очень строга по части дисциплины.

— На вступительных экзаменах в среднюю школу ее ученицы всегда получают высокие оценки, — сказала Элизина бабушка по маме, — как бы ей не показалось, что наша бедняжка недотягивает до этого уровня!

— За Элизу можно не беспокоиться, да и за подруг ее тоже, — возразила бабушка по папе, — они все очень развиты для своего возраста.

Но Приска беспокоилась, да еще как! Хотя бы потому, что новая учительница с самого начала повела себя немного странно. Через школьную канцелярию она известила семьи всех своих учениц, что обычный синий бант придется заменить.

Одевались ученики «Сант-Эуфемии» очень просто: черная форма и бант на шее, синий — для девочек, красный — для мальчиков. Но ученицы Арджии Сфорцы — так звали учительницу — должны были носить особенные ленты: розовые в голубой горошек, которые можно было найти только (по крайней мере, так сказала синьора Сфорца) в галантерее на бульваре Гориция.

Приска вздрогнула, и в нос попала вода: она вспомнила, что у нее-то банта нет, потому что мама дотянула с этим до последнего, и им придется покупать его сегодня.

«Надеюсь, что, когда мы вернемся в город, галантерея будет открыта», — подумала Приска.

Галантерея оказалась открыта, но, к сожалению, розовая лента в голубой горошек закончилась.

— Чего же вы хотите, синьора Пунтони? Больно много желающих на нее объявилось. У меня в жизни таких запасов не было. Еще третьего дня не осталось ни сантиметра. Я уже заказал новую партию, но она придет только дней через десять, не раньше.

— Ну вот! Почему ты не купила на прошлой неделе, как Элизина бабушка?! Послала бы Инес или Антонию, если у тебя самой времени не было, — разрыдалась Приска. — Я без банта в школу не пойду.

— Еще не хватало! — прикрикнула на нее синьора Пунтони, и так раздосадованная тем, что Приска ревет на людях.

— Мне влетит от учительницы. Она напишет мне замечание в дневник в первый учебный день. Я без банта не пойду.

— Не делай из мухи слона! Я напишу тебе объяснительную записку.

— Не пойду, не пойду, не пойду!

Синьора Пунтони вздохнула: ей так и хотелось отвесить Приске оплеуху, но при галантерейщике было неловко.

— Ну хорошо! Значит, я встану рано утром и сама отведу тебя в школу. Скажу этой твоей учительнице, что я во всем виновата.

— Ну что, так годится? — спросил папа, которому до ужина еще нужно было заглянуть в свою контору, а он уже порядком проголодался.

— Да, — ответила Приска. Но дулась весь оставшийся вечер.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,
В КОТОРОЙ МЫ ЗНАКОМИМСЯ СО ВТОРОЙ
ГЕРОИНЕЙ ЭТОЙ ПОВЕСТИ, КОТОРАЯ ВОЛНУЕТСЯ
НЕ МЕНЬШЕ

Хотя Элизе бабушка Мариучча заранее купила розовую ленту в голубой горошек, ее тоже беспокоила предстоящая встреча. Она так волновалась, что за ужином не могла проглотить ни кусочка.

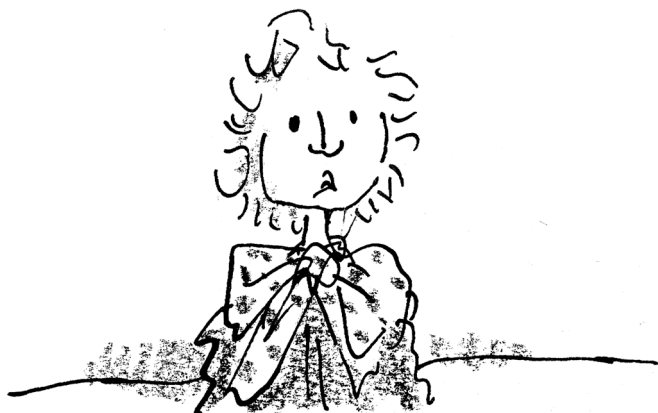
— Будешь тощая, как спичка, и тебя унесет ветром, — вздохнула няня Изолина, глядя на ее полную тарелку.

— Подумай о бедных голодных африканских детях... — с упреком добавил дядя Казими́ро.

— Зачем далеко ходить? Просто представь себе, что эта прекрасная котлета окажется в консервной банке у Доменико, — подхватила няня.

Доменико был «придворным нищим» дома Маффеи и притаскивался каждый божий день за остатками обеда, которые он складывал в старую жестяную банку с проволочной ручкой. Элиза до смерти боялась Доменико — такой он был старый и грязный. Зимой и летом нищий носил длинное, негнущееся от грязи пальто, сшитое из солдатского одеяла. При каждом шаге оно хлопало его по голым, покрытым струпьями ногам. Ходил он сгорбившись, опираясь на палку. С няней, которая выносила ему обедки на лестничную клетку, он был очень вежлив. Но когда другой нищий осмелился подняться по лестнице дома Маффеи, Доменико отдубасил его палкой и потом долго еще кричал ему вслед проклятия.

От одной только мысли о Доменико с его консервной банкой и месивом из обедков Элизу замутило.

— Ну давай, смелее! Хоть кусочек. Ложку за дядю! — настаивала няня.

— Как же! Это скорее ложка за няню! — вмешался дядя Леопольдо. — Да оставьте же ее в покое! Иногда диета лучше, чем котлета.

Он взглянул на Элизу в надежде рассмешить ее своим стишком. Но Элиза уставилась в тарелку и кусала губы.

— Средневековые рыцари тоже проводили в посте и молитвах канун посвящения, — разглагольствовал дядя Казими́ро. — Это называлось «бдение над оружием». Ночь напролет они стояли на коленях на голом полу, без еды и питья...

— Еще ты тут со своими средневековыми рыцарями! — возмутилась бабушка Мариучча. — Из-за вас она вообще сон потеряет. Золотце, тебе не о чем беспокоиться. Вот увидишь, новая учительница тебе очень понравится. А теперь иди спать. Няня принесет тебе стакан теплого молока с медом.

— Хочешь, я почитаю тебе главу из «Тайн черных джунглей»*? — примирительно предложил дядя Казими́ро.

* Приключенческий роман итальянского писателя Эмилио Сальгари (1895 г.).

— Она отлично умеет читать сама. Не маленькая, — отрезал дядя Леопольдо.

У Элизы на ночном столике действительно лежала красивая книжка с картинками «Маленькая принцесса»* — Розальба дала почитать, — и каждый вечер она прочитывала из нее несколько страниц. Она как раз дошла до того, как Сара Крю обеднела и коварная директриса пансиона отправила ее жить на чердак. Элизе не терпелось узнать, что же дальше.

И она так зачиталась, что забыла о своих тревогах.

* Повесть английской писательницы Фрэнсис Бернетт (1905 г.).